

Л.Ю. ПАРАМОНОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1-1(Анненский И.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,43

«КРАСКИ ПРИЗРАЧНОГО ГОРОДА»: ПЕТЕРБУРГ В ЛИРИКЕ И. АННЕНСКОГО

Аннотация. В данной статье рассматривается семантика цвета в стихотворениях Иннокентия Анненского, посвященных Петербургу. Предпринят анализ цветоупотребления в лирике И. Анненского, выявлены наиболее частотные цвета, использованные в данных стихотворениях и несущие повышенную смысловую нагрузку. Петербург предстает в данных стихотворениях городом-призраком, облаченным в серо-желтые одежды больного. Поэт передает свое отношение к городу через блеклые, тусклые краски и состояние лирического героя – страх, тоску, безысходность.

Ключевые слова: Анненский, Петербург, цвет, страдание, символ, город-призрак.

Десятки русских поэтов обращались в своем творчестве к теме Петербурга, этот город привлекал к себе внимание, рождал мифы, менял лица и краски, становясь сверхреальностью, в которой сфера символического и сфера настоящего тесно переплетены и неотрывны друг от друга. Тема Петербурга в русской литературе претерпела множество изменений и интерпретаций, от образа города-чуда, пророчащего России светлое будущее до апокалипсического града Антихриста, призрачного, угнетающего, обреченного на гибель. На протяжении XIX-XX веков интерес к городу на Неве не ослабевал, сформировав особый пласт художественного текста – так называемый Петербургский текст. Исследованием специфики Петербургского текста занимались Н. Анциферов, В. Топоров, З. Минц и др. Образ Петербурга особенно ярко представлен в творчестве поэтов Серебряного века, главными «фигурами» здесь можно назвать А. Блока, А. Ахматову, О. Мандельштама. Среди символистов наиболее часто обращались к теме Петербурга А. Белый, А. Блок, в некоторых своих урбанистических стихах – В. Брюсов. Все эти авторы создали свои варианты петербургского мифа, уже неоднократно и

подробно исследованные. В данной статье мы обратимся к творчеству одного из самых трагических поэтов Серебряного века – И. Анненского. Сразу отметим, что сам поэт никогда не любил Петербург, проведя практически всю жизнь в Царском Селе, которое было для него домом и душевной отрадой.

Поэтика Анненского – поэтика звуков, красок и запахов. Мир, который создает поэт в своих стихах – мир художника, он зрительно конкретен, импрессионистичен. Нередко через употребление того или иного цветового символа Анненский выражает свое отношение к миру, к изображаемому объекту, событию или явлению. Каждый цвет в его поэтическом мире глубоко насыщен эмоциональным и смысловым содержанием. Именно поэтому мы решили подойти к анализу образа Петербурга в творчестве Анненского с точки зрения его цветового облика. Для анализа были выбраны три стихотворения: «Петербург» (1909), «Госка вокзала» (1909), посвященное Витебскому вокзалу, и еще одно стихотворение о железной дороге и переездах «Зимний поезд» (1909). Первое стихотворение непосредственно посвящено городу; два других связаны с темами вокзала, железной дороги, прибытия и отъезда, то есть с тем пространством, которое призвано отграничить Петербург от не-столичного мира. Все три стихотворения относятся к последнему году жизни поэта, который оказался годом наивысшего подъема его творческих сил. Обратимся к цветовой гамме этих стихотворений.

«Петербург» – единственное прямо посвященное городу стихотворение у поэта – открывается традиционным для семиотики Петербурга желтым цветом:

*Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты.
Я не знаю, где вы и где мы,
Только знаю, что крепко мы слиты.
<...>
Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета...*

Этот цвет в стихотворениях Анненского наиболее содержателен и частотен из всех цветообозначений. В истории культуры жёлтый цвет нередко трактуется как негативный в психологическом отношении. По В. Кандинскому, например, это цвет помешательства, безумия, сумасшествия, он давит на душу, насилует её [Кандинский 1992: 67]. В

статье Андрея Белого «Священные цвета» жёлтый трактуется как «зловещий отблеск», гнетущий и больной. В поэтической вселенной самого Анненского желтый цвет не имеет положительных коннотаций, в стихах поэта он сопутствует, как правило, темам печали, уныния, болезни, смерти. Как цвет болезни и смерти, жёлтый для Анненского ассоциируется и с Петербургом: «*Да Неву буро-жёлтого цвета*». Это, в первую очередь, Петербург, каким его видел Достоевский – с грязными, ржавыми водами, желтыми окнами, город в желтом мареве, которое подчеркивает образ «желтого пара». «Именно сквозь призму восприятия своего любимого писателя, которого сам Анненский неоднократно в публичных лекциях называл «истинным поэтом», он видел главный город Российской империи», – пишет М.В. Тростников [Тростников 1991: 15-17]. Желтый цвет маркирует пограничное состояние между жизнью и смертью. В стихотворении к тематическому мотиву болезни добавляется мотив обезличенности: «*Я не знаю, где вы и где мы, / Только знаю, что крепко мы слиты*». В данном контексте желтый цвет выступает как то самое марево, застилающее глаза, о котором говорил Андрей Белый: «Первое сияние, разрезающее мрак, окрашено желто-бурым зловещим налетом пыли» [Белый 1994: 202]. Марево, в котором невозможно различить лиц.

Стихотворение насквозь пронизано ощущением неопределенности, потерянности, пустоты: «пустыни немых площадей», «только камни нам дал чародей». Повторяющийся образ камня придает желто-бурому оттенку примесь серости: серые безликие площади, пустые, безлюдные, где только камни – безжизненные, немые. Серый цвет, как писал А. Белый – это «черт, завеса пыли, которую нужно преодолеть...» [Белый 1994: 201]. Петербург в строках Анненского – неживой, как будто застывший над землей мираж из пара, страшный и призрачный, переливающийся от желто-бурого до серо-туманного цвета, полупрозрачный и холодный. В нем нет жизни: «ни миражей, ни слез, ни улыбок», «только камни из мерзлых пустынь» – начисто отсутствуют какие-либо признаки красоты и величия Петрова града, да и сам город – отсутствует, мы видим только его призрак, фантом. Даже поэтически воспетые поэтами белые петербургские ночи у Анненского погружены в серый мрак: «*Белой ночи над волнами тени*», от самой ночи, от ее красоты осталась только тень и «отрава бесплодных хотений». Во всем этом чувствуется влияние гоголевской поэтики, его апокалипсического Петербурга – города призраков, где по Невскому проспекту свободно ходят носы, мундиры, цилиндры, но среди всей этой суеты нет ни одного живого человека! Не появляется в образе

города у Анненского ни одной светлой краски, потому что чистые, яркие цвета – цвета жизни, юности, красоты остались где-то у истоков Петербурга, когда он только зарождался и воплощал собой светлое будущее для России. «Петра творенье», – писал Анненский еще в 1979 году, – стало уже легендой, прекрасной легендой. <...> Теперь же нам грезятся новые символы, нас осаждают еще не оформленные, но уже другие волнения, потому что мы прошли сквозь Гоголя и нас пытали Достоевским» [Анненский 1979: 359].

Петербург воспринимается автором в зыбких, туманных оттенках, болезненным и опустошенным, в котором нет звуков, цветов и эмоций. В нем нет времен года и различия между частями суток, погруженный с сонною «отраву» желтого пара, он превратился в холодную пустыню.

Неразрывно с образом Петербурга в жизни и творчестве Анненского связан и образ вокзала – как пограничная черта, локус, отделяющий его дом от чужого, призрачного города. Вокзал выступает у него символом последней, мучительной ступени перед счастьем возвращения домой, в уют Царского Села или же в какой-то другой провинциальный русский город. Показательно уже само название стихотворения «Тоска вокзала», здесь каждая строка, каждая минута ожиданий и вправду пронизана глубокой тоской и усталостью:

*О, канун вечных будней,
Скуки липкое жало...
В пыльном зное полудней
Гул и краска вокзала...*

По цветовым деталям стихотворение не более яркое, чем предыдущее, преобладающие оттенки в нем – монохромные, линиялые, размытые: «пыльный зной полудней», белый свет, затянутый пеленой пыли, «флаг линияло-зеленый», «пара белые взрывы». Общее настроение – вечерняя тяжелая дремотная усталость. Снова наблюдается та же атмосфера зыбкости, пара и тумана, все как будто в дыму – то ли мираж, то ли реальность: «дрожащее полудней». В стихотворении нет ни одного чистого цвета, исчезает даже характерный для Петербурга желтый пар, все обесцвечивается. После тяжелого дня, проведенного в призрачном городе, не приносит облегчения и ожидание поезда: «И трубы отдаленной / Без отзыва призывы». Поэт нагнетает атмосферу тщетности существования, отсутствия какого-либо выхода. Исход один: «Уничтожиться, канув / В этот омут безликий» – чтобы вернуться домой, вырваться из этого гнетущего города, нужно «уничтожиться». Словно пройти очищение,

канув в омут, и только таким образом, через мучение, возможно достичь счастья. В этих строках звучит главный принцип поэзии Анненского – достижение идеала через муку: «отрицательная, болезненная сила муки уравнивается в поэзии силою красоты, в которой заключена возможность счастья» [Анненский 2014: 190].

Глубина этой муки раскрыта поэтом в другом стихотворении – «Зимний поезд». Здесь лирический герой как будто претерпевает обратную дорогу – из дома в призрачный город желтого пара. Выезжая еще затемно, из «*немой черноты*» снегов, он видит апокалипсические образы – поезд, несущий его прочь, превращается в пышущего дракона, прожигаящего глазами тьму, дым бьет золотым фонтаном. Краски в начале стихотворения яркие, живые – тьма разрезается желто-оранжевым пламенем огня, «*горящее золото*», «*пышущий дракон*» – все эти образы ассоциативно связаны с тематикой адского пламени. «...Враг открывается в пламенно-красном зареве адского огня. Это последний предел относительности – призрак призрака, способный, однако, оказаться реальнее реального, приняв очертания змия», – писал А. Белый [Белый 1994: 204]. Поэт сравнивает путь до Петербурга с кругами ада, которые ему необходимо пройти, сам путь, сама дорога для него – мучение. Дорога, проходящая в полусне-полусознании (опять эти половинчатые образы, не-реальности и не-сна!) рисует нам страшные образы, рождаемые ночным предвкушением поездки. Анненский пишет о поезде: «*Сейчас порвет мятежным бегом / Завороженной дали сон*», и по завершении этого сна, погружаясь в состояние зыбкости-неясности (словно под убаюкивающее покачивание поезда), воображение рисует картины проклятого города, столицы, к которой тянутся отовсюду составы с мертвецами: «*А с ним, усталые рабы, / Обречены холодной яме, / Влачатся тяжкие гробы, / Скрипя и лязгая цепями*». Город, построенный на костях, притягивает к себе все больше и больше мертвецов. Как отмечает В.Топоров, в XIX веке «статистические данные по петербургским кладбищам характеризуют город как гигантскую и споро работающую фабрику по переработке покойников и приему новых. <...> Столица принадлежит к тем немногим местностям России, где число умирающих превышает число рождающихся...» [Топоров 1995: 259-367]. Неслучайна в связи с этим тема смерти и мертвецов, тесно переплетающаяся с образом Петербурга в сознании поэта.

Сам всадник Апокалипсиса предстает в стихотворении в образе Полночи: «*Среди кошмара дум и дрем / Проходит Полночь по*

вагонам». По мере продвижения в сторону Петербурга цвета в стихотворении начинают тускеть – от золота и черноты теперь остается «наполовину притушенный» разбитый фонарь в руках Полночи, и «тем больше чада в черных снах». Все заволакивает мраком, дурманом, сном. Снова автором нагнетается мотив неяркости, нечеткости, дремы. Сам образ Полночи – ирреален, она «как призрачный монах», только мираж, зловещий призрак. Страшный мир заволакивает черно-серым дурманом, покоя нет даже во сне, сны удушливы, беспокойны, неопределенность все нарастает и нарастает: «Тем больше слов, как бы не слов», «Да все бесцельней, безымянней». Все вокруг оборачивается миражом, ночь «лишь молча точит свой дурман». В последних строфах снова возникает мотив смерти: «И мерзок тем, кто не заснул, / Хаос полусуществований!». Состояние «полусуществования», какое-то неопределенное пространство во мраке, как переход из забытья в сон – характерное состояние души лирического героя, подавленного Петербургом. «В петербургском тексте отражена квинтэссенция жизни на краю, над бездной, на грани смерти...», – пишет В.Н. Топоров [Топоров 1995: 259-367]. Именно это состояние на краю, пограничное между жизнью и смертью, охватывает пассажира в поезде. Петербург мучает его уже издалека, высасывая все силы еще до того, как лирический герой оказывается в самом проклятом городе. «Петербург – дьявольское, гнилое место, воплощение городской цивилизации, подошедшей к последней грани всемирного катаклизма», – пишет З.Г. Минц в работе «Петербургский текст и русский символизм» [Минц 2004: 103-115]. Характерной чертой петербургского текста в данном стихотворении является наличие «видений, дивинаций, снов, пророчеств, откровений, прозрений...» [Топоров 1995: 259-367]. Но что сам Петербург? Каким предстает он в финале стихотворения?

Поезд прибывает, «Забывшим за ночь свой недуг / В глаза опять глядит терзанье» – с рассветом возвращаются былые страдания, мучения. Сколь ни была мучительна ночь, полная видений и страшных образов смерти, утро не сулит спасения. Весь мир обречен на страдания, что Анненский подчеркивает очень ярким образом: «И стойко должен зуб больной / Перегрызть холодный камень». Снова появляются образы теней, «дряхл и сед» рассвет, полностью исчезают яркие цвета, заменяясь снова все тем же желтым паром: «Пары желтеющей стеной / Загородили красный пламень». Мир вокруг туманный, не относящийся ни к яви, ни к сну, какое-то подобие лимба, в котором терзаются ни в чем не повинные души. Поезд, таким

образом, предстает отражением ада, душевной муки лирического героя, его кошмарного сна, где даже Полночь, Рассвет и Закат – самостоятельные сущности, которые могут действовать и менять судьбу человека.

Таким образом, стихотворения И. Анненского о Петербурге, несмотря на их внешнюю «красочность», открывают нам город-призрак, полный тумана и мглы. В первом стихотворении город предстает более наполненным цветом, а значит и – жизнью, но жизнь эта мучительна и слаба, как чахоточный больной. Образ Петербурга, как города призраков, начатый в первом стихотворении, плавно переходит и в последнее, нагнетая инфернальные мотивы поезда, в котором едут мертвецы. Во всех трех стихотворениях мотивы тоски, скуки, томления тесно связаны с ощущениями лирического героя, испытанными им в Петербурге или в непосредственной близости от него.

Для всех петербургских стихотворений Анненского характерна обезличенность, так как обезличен образ самого города. В них есть чувства, есть эмоции, но нет единичного субъекта, испытывающего эти чувства, только одно неопределенное «мы»: «*знаю, что крепко мы слиты*». Так Петербург стирает грани между людьми, стирает грани между жизнью и смертью, оставляя только одно бескрайнее мифологизированное пространство. В последних строках стихотворения происходит возвращение в это призрачное пространство города, и снова мы видим миражный холодный Петербург, сотканный из серого камня и желтого пара и поглотивший все краски и звуки в бесцветии.

ЛИТЕРАТУРА

Анненский, И.Ф. Великие поэты мира. И. Анненский. М.: Эксмо, 2014. – 352 с.

Анненский, И.Ф. Книга отражений. Вторая книга отражений. М.: Ломоносовъ, 2014. – 304 с.

Анненский, И.Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. – 680 с.

Бельй, А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. – 528 с.

Кандинский, В. О духовном в искусстве. М.: Архимед, 1992. – 349 с.

Миц, З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: В 3 кн. СПб.: Искусство – СПб, 2004. – 773 с.

Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. – 623 с.

Тростников М.В. Символика желтого цвета в лирике И. Анненского // Русская речь. 1991. № 4. – С. 15-17.

Флоренский, П.А. Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил-Русская книга, 1993. – С. 309-316.

Статья рекомендована д.ф.н., проф. Н.В. Барковской.